

А.И. Ершов

**Севастопольские
воспоминания
артиллерийского офицера**

В семи тетрадях

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 93
ББК 63.3
А11

А11 **А.И. Ершов**
Севастопольские воспоминания артиллерийского офицера: В семи тетрадах /
А.И. Ершов – М.: Книга по Требованию, 2021. – 294 с.

ISBN 978-5-458-24629-3

Мемуары офицера Андрея Ивановича Ершова - участника героической
обороны Севастополя в Крымскую войну 1853-1856 гг.

ISBN 978-5-458-24629-3

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2021

© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2021

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первозданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

Серия Книжный Ренессанс

www.samizday.ru/reprint

Пріѣздъ. — Первое посѣщеніе бастіоновъ.

Я самъ напросился въ Севастополь, — и говорю безъ преувеличенія: день, въ который я узналъ, что ѣду на мѣсто военныхъ дѣйствій, былъ едва ли не счастливѣйшимъ въ моей жизни. Что-то непреодолимое влекло меня къ Севастополю. Я былъ очень и очень молодъ, — я еще не признавалъ той великой истины, что настоящій военный человѣкъ никуда не просится, ни отчего не отказывается, а тихо дѣлаетъ свое дѣло, вездѣ, гдѣ придется. По моимъ юношескимъ понятіямъ я не могъ не рваться къ Севастополю всей душой моею.

Быть тамъ, участвовать въ знаменитыхъ дѣлахъ, видѣть настоящую войну, о которой я съ дѣтства такъ много читалъ и думалъ, все это ставило меня высоко передъ собственными же глазами. — И прощанья, и тягостный день отъѣзда, и холодъ, и утомительная дорога, все было скрашено мыслью о томъ, что я ѣду въ Севастополь.

Съ трепещущимъ сердцемъ, весь отдавшись какой-то непонятной радости, охватывавшей весь составъ мой, и въ которой не могъ я дать себѣ отчета, съ самодовольствіемъ почти дѣтскимъ, но все-таки возвышающимъ душу, каждую минуту говоря себѣ, что вотъ скоро, скоро на самомъ дѣлѣ я буду дѣйствующимъ лицомъ величайшей военной драмы, — подъѣзжалъ я къ Севастополю въ глухую декабрьскую полночь. До сихъ-поръ радостно мнѣ вспомнить объ этой ночи, хотя я прожилъ много съ того времени, видѣлъ крови больше, чѣмъ могъ ожидать, — и, конечно, навсегда отдалился отъ первыхъ впечатлѣній моей порывистой молодости.

Съ наступленіемъ темноты, выстрѣлы стали слышны, отчетливо доносились по вѣтру перека-ты каждаго выстрѣла; нерѣдко въ одно время съ ними слышался въ воздухъ глухой трескъ лопнувшего разрывнаго снаряда. Бомбы, кидаемые изъ рѣдкѣ, падучею звездою обозначались на черномъ фонѣ ночной дали, а въ слѣдъ за тѣмъ быстрая вспышка огня на мгновеніе загоралась въ томъ или другомъ направленіи.

Это была настоящая война, это были настоящія бомбы, убивавшія людей и сдѣланные Богъ знаетъ гдѣ для такой цѣли.

Жаднымъ взоромъ и слухомъ слѣдилъ я за ними, невольно приподымаясь на телегѣ, вытягивая шею, стараясь все разслышать и разглядѣть, съ ощущеніемъ невѣроятнаго душевнаго волненія.

По мнѣ—меня окружала дивная поэзія.—Я никогда не считалъ себя храбрѣе другихъ людей, и дальнѣйшій мой рассказъ покажетъ, что не всегда видъ опасности пробуждалъ во мнѣ чувство дѣтскаго восторга. Но въ эту ночь оно было такъ: мало того, что я не думалъ о ранахъ, о смерти, обо всемъ горь,—но я не повѣрилъ бы ни во что худое для меня собственно. Даже мысль о томъ, что я могу быть убитъ завтра, въ своей квартирѣ, при первомъ обходѣ укрѣпленій, меня не касалась. Увидѣть Севастополь, примкнуть къ ряду его защитниковъ — и тотчасъ же быть убитымъ — какой вздоръ! Неужели для этого я ѣхалъ такъ долго и кончаю мой путь такъ весело?

И такъ вотъ онъ, этотъ знаменитый Севастополь, о которомъ думаетъ Россія,—Европа,—весь свѣтъ даже! этотъ Севастополь, думалъ я въ восторгъ,—въ нѣсколькихъ верстахъ отъ меня; я вижу молніи отъ выстрѣловъ, я слышу отдаленный говоръ русскихъ, французскихъ, англійскихъ пушекъ! Не далѣе, какъ завтра я

самъ проснулся въ городѣ, пойду по бастионамъ, сдѣлаюсь въ самомъ дѣлѣ участникомъ защиты Севастополя,—нѣтъ, все это мнѣ кажется, какъ послѣ разговора о нынѣшней войнѣ, бредомъ восторженнаго мальчика, всю жизнь свою игравшаго въ солдатики! И я благодарилъ судьбу за то, что я не сплю, что Севастополь не во снѣ мнѣ приснился.

Медленно тащила мою повозку тройка, съ трудомъ подаваясь впередъ, по глубокой топи грязи, не смотря на то, что я былъ одинъ и вся поклажа заключалась въ чемоданъ, складной желѣзной кровати, да касачномъ ящикѣ.

Хотя и по дорогѣ, но можно сказать—брегли мы на удалую, во мглѣ темной ночи и по совершенной слякоти, съ рытвинами и ямами, въ которыя лошади уходили по самую грудь.

Зловоніе, отъ лежащей по сторонамъ надале, —слѣдствіе немовѣрно дурной дороги,—въ нѣкихъ мѣстахъ было нестерпимо. Зажавши носъ и сдерживая дыханіе, надо было проѣзжать пространство, зараженное вредными міазмами.

Ямщикъ мой равнодушно покуривалъ себѣ коротенькую трубочку, время отъ времени по-стегивая свою усталую, замѣленную грязью, жалкую тройку, — безъ колокольчика даже.

Проѣхавши лагерь на Бельбекѣ и нѣсколько меньшихъ у начала сѣверной стороны, завидѣлись парусные балаганы, сквозившіе свѣтомъ.

Мы въѣхали на самую сѣверную.

Теперь ясно слышался даже трескъ лопавшихся бомбъ и гранатъ, а выстрѣлы казались какъ-бы чаще.

«А нонче супостатъ больно поналѣгъ; знать порѣшеніе какое задумываетъ,» проговорилъ мой ямщикъ, запрягивая трубку въ голенищн. Ямщикомъ мопмъ на этотъ разъ былъ русскій мужичокъ, съ клинообразной русой бородкой.

Выведенный изъ раздумья его замѣчаніемъ, я хотѣлъ поразспросить его кой о чемъ,—но онъ снова заговорилъ, обратясь ко мнѣ:

— «А куды ваше благородіе захватъ-то? На станцію что-ль, аль къ маркитану? На станціи-то, прибавилъ онъ, очень плоховато;—почитай что и окошки повыбиты.»

Впрочемъ, и самъ я не могъ вывести хорошаго заключенія о севастопольской почтовой станціи, зная по опыту, какъ отъ непомятаго гона разстроены онъ все съ самаго Перекопа, а подъ Севастополемъ приведены въ совершенно-жалкое положеніе.

Ѣхавши въ сторону къ Севастополю, начп-

ная со второй или третьей станціи передъ Симферополемъ, можно было получить лошадей, или какимъ-то чудомъ, или же по особому какому ухищренію; на примѣръ: тайкомъ давая деньги обратному ямщику; хотя ямщикамъ, по случаю большаго разгона, строжайше запрещено было брать съдоковъ.

Часто многіе проѣзжающіе, соскучившись сидѣть нѣсколько дней на одной станціи, отправлялись въ путь, нанимая воловъ, татарскихъ клячъ, и даже верблюдовъ; при чемъ постоянный экипажъ былъ—татарская двухъ-колесная арба или маджара.

Подъ пронзительный скрипъ этой колесницы и отвратительные голоса пары верблюдовъ, пропутешествовалъ и я цѣлыхъ двѣ станціи, за тройные, противъ настоящихъ, прогоны.

Вскорѣ доплылъ мой ямщикъ, по грязи, къ большому парусному балагану, больше всѣхъ свѣтившемуся издали путеводною звѣздою, между лабиринта палатокъ, землянокъ, балагановъ, складовъ и т. п.

Это былъ балаганъ перваго маркитанта на сѣверной сторонѣ, купца Серебряникова. У него-то мы и остановились.

Меня приняли привѣтливо, указавъ мнѣ для ночлега другое маленькое отдѣленіе балагана,

съ прилаженною въ немъ небольшою чугуною печью.

Тамъ снали уже трое прїѣзжихъ: двое офицеровъ и одинъ докторъ, расположась въ повалку на подосланномъ на сырой землѣ коврѣ.

Сырость и промозглость тогдашней декабрьской крымской ночи казался въ балаганѣ ощутительнѣе, нежели на самомъ дворѣ.

Отъ Москвы и до теперешняго своего правила, довелось мнѣ ночевать только два раза, и то одѣтымъ. Теперь мнѣ невыразимо-прїятно бы было—раздѣвшись, лечь въ чистую, мягкую постель.

Это представлялось мнѣ высшимъ блаженствомъ, казалось почти волшебной мечтою, одною изъ тѣхъ грезъ, которыя хотя и поражаютъ въ сокровенной глубинѣ челоуѣка, но постоянно считаются чѣмъ-то фантастическимъ.

Я такъ усталъ, что, не смотря на крайній для меня интересъ Севастополя, — мнѣ было не до разспросовъ. Недавнее чувство восторга и бодрости смѣнились полнымъ изнеможеніемъ. Глаза мои закрывались сами собою.

Наскоро проглотивъ стаканъ теплаго чая съ виномъ, не раздѣваясь, въ промокшихъ и грязныхъ сапогахъ, улегся я возлѣ спавшихъ офи-

церовъ, дрожа отъ пронинавшей меня сырости, но скоро это непріятное ощущеніе исчезло.

Глаза мои слѣпились, въ головѣ промелькнула мысль о томъ, что я не соглашусь раскрыть ихъ ни за всю сокровища міра. Потомъ я какъ-то лѣнливо подумалъ: «а вѣдь я въ Севастополь», и за тѣмъ заснулъ какъ убитый.

И пріятность ночлега, и все эти различныя по-видимому, мелочи, но цѣнныя очень въ дорогѣ, — пойметъ всякій, кому, какъ мнѣ, приходилось сдѣлать до трехъ тысячъ верстъ, и не все по шоссе, а по скверной, грязной дорогѣ, съ прочими неудобствами пути, при разстроенныхъ станціяхъ.

Ужасный шумъ и говоръ въ другомъ отдѣленіи, за живой нарусной перегородкой, или, лучше, завѣсомъ, разбудили меня поутру.

Тамъ толпа офицеровъ, закусывала, пила чай, вино, завтракала, лакомилась. Босвымъ рассказамъ не было конца. Въ числѣ посѣтителей находилось человекъ пять раненыхъ съ перевязками на головѣ и подвязанными руками.

Съ невольнымъ почтеніемъ глядѣлъ я на рассказчиковъ, къ раненымъ же я просто ощущалъ благоговѣніе, невыразимое словомъ.

Быль часъ одиннадцатый утра; пора была

собираться на южную сторону — къ своему новому батарейному командиру.

Я хотѣлъ было нарядиться пощеголеватье, затянуться въ полную парадную форму, какъ вообще это дѣлается въ Петербургѣ; но меня остановили, замѣтивъ, что здѣсь, въ Севастополь, не принято церемоній, не подходящихъ къ здѣшнему положенію. Офицеры—было мнѣ сказано — и ходятъ, и являются просто, въ здѣшней боевой формѣ: сѣрой, солдатскаго сукна шпелл и длинныхъ сапогахъ, потому что грязь стоитъ ужаснѣйшая. Я надѣлъ все, сообразно указанію, но отъ длинныхъ сапоговъ отказался съ непривычки: дико какъ-то казалось являться въ подобной формѣ. Навязавши новенькій темлякъ на саблю, надѣвъ новыя перчатки и фуражку, отправился я на пристань, осторожно ступая въ тоненькихъ сапогахъ со шпорами и въ маленькихъ щегольскихъ калошахъ. Нѣсколько минутъ я ступалъ осторожно и выбиралъ мѣста посуше.

Кончилось однако тѣмъ, что, добравшись до пристани, очутился я забрызганнымъ и перепачканнымъ въ грязи, почти по колѣна, едва перастерявши калоши, часто увязавшія въ клейкомъ исподѣ грязи.

Пробираясь такимъ образомъ, я въ душѣ за-

видовалъ встрѣчнымъ офицерамъ, которые, не разбирая, спокойно шагали по улицъ въ своихъ длинныхъ сапожникахъ.

У пристани народъ кишмя кишилъ: и люди, и скоть, и повозки, немилосердо мѣсили грязь. Казалось, огромная ярмарка стояла въ самомъ разгарѣ. Набережныя сѣверной стороны кипѣли работою; шла постоянная нагрузка вещей, отсылаемыхъ на южную.

По бухтѣ непрерывно сновали разныя суда: весельныя большія и малыя, парусныя и паровыя, съ бездною разнообразныхъ предметовъ.

На палубахъ транспортныхъ судовъ виднѣлись пѣхотныя партіи, рогатый скоть на убой, возы сѣна, бочекъ, кулей, туровъ, лошади, орудія, крѣпостныя станки, рѣзанное сырое мясо въ окровавленныхъ мѣшкахъ, женщины и торговый людъ, дѣти и раненые.

При мнѣ причалило съ южной два баркаса съ грузомъ до верху наложенныхъ, простыхъ, неокрашенныхъ гробовъ, съ тѣлами опочившихъ на полѣ чести.

Съ благоговѣніемъ снялъ я фуражку и перекрестился.

Южная сторона Севастополя, всѣмъ возможнымъ снабжаемая съ сѣвера, въ свою очередь, въ замѣнъ того, надѣляла сѣверную сто-